

Жидков Андрей

Трактаты черного свитка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Александрович Жидков

Трактаты черного свитка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50710451

SelfPub; 2020

Аннотация

Данные трактаты представляют собой собрание повествований, затрагивающих различные вариации, стороны и воплощения нашей действительности. Смешные и неприятные, абсурдные и кошмарные, жестокие и отвратительные. Те самые, на которые обычно закрываем глаза и о которых не принято или не хочется говорить. Однако существующие, как бы старательно мы не отводили взора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Сказка стереотипов	4
Введение	4
Сказка стереотипов	5
Преданные	9
Бродячие псы	21
Селфи	27
Красная шелковая лента	34
I	35
II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сказка стереотипов

Введение

Сказка соткана из бытующих в представлении западных стран стереотипов и представлений о России и русском народе. Собранные в единое целое, они представляют собой довольно унижительный и отвратный театр абсурда. Даже невзирая на то, что использована лишь малая доля этих самых стереотипов. Почерпнуты они в основном из кино и распространенных в сети роликов западных СМИ. То, что сошлось из этого сумбура то и представлено вашему вниманию....

Сказка стереотипов

Меня зовут Михаил Потапович Козловский. Я живу в России, в городе Москве, потому что других городов в России нет. Ибо абсолютно всю территорию страны занимает Сибирь, в которой построено много тюрем. Это вызвано очень большим уровнем преступности. А так же, с другой стороны бесчеловечной, антигуманной суровой строгостью нашего законодательства. В соответствии, с которым в России даже за самое незначительное преступление человек приговаривается либо к пожизненному заключению, либо к смертной казни .

И так, проснувшись рано утром, я начинаю свой день с того что беру в руки балалайку и начинаю играть. Заслышав брелчание в комнату вбегает моя супруга Наташа. На ней красивый домашний ватник, на голове нарядный платок, а на ногах новенькие кирзовые сапоги. В руках Наташа держит граненный стакан русской водки.

– Доброе утро товарищ! – Нежно восклицает она, протягивая мне его.

– И тебя с добрым утром товарищ жена! – Отвечаю я, и приняв из ее ладоней стакан, мгновенно выпиваю содержимое, залпом на выдохе.

После чего целую жену трехкратно в обе щеки в засос, и мы дружно идем завтракать.

К тому времени просыпаются наши дети. Сын Фома и дочка, которую за отсутствием в России других женских имен мы назвали Наташей. Выйдя на кухню, они радостно приветствуют нас крича:

– Здравствуйте товарищи родители.

И мы все вместе садимся за обеденный стол.

Сегодня, правда, супруга, очевидно, решила всех нас побаловать, завернув в блины вместо так наскучившей черной, красную икру. И в качестве особого лакомства к ней, она ставит на стол маленькую бутылочку колы. Этот наивкуснейший напиток, являющейся вершиной мечтаний русского человека, приводит нас в неистовый восторг. От чего мы всей семьей радостно начинаем петь песню «Калинка-Малинка».

По завершению завтрака, мы все расходимся заниматься своими делами. Супруга надевает чулки в сеточку и переобувшись в валенки выходит на трассу. Стоя там на обочине она трудится проституткой, поскольку в России это очень престижная работа которой занимаются практически все женщины. Дети же отправляются в тайгу, искать там, в помойках съестные припасы. Школ в России все равно нет, от того мы русские все безграмотные. Да и зачем им эти глупости. Главное они умеют уже убить медведя и выклянчить у иностранца красивый доллар.

Вскоре, вслед за ними на службу отправляюсь и я.

У нас в России всегда очень холодно и с неба постоянно, не переставая, большими густыми хлопьями падает снег. Да-

же в июле месяце.

Однако мне, как русскому человеку мороз совершенно не страшен. И нахлобучив на голову шапку ушанку, надев ватник и захватив с полки автомат Калашникова, чтобы отпугивать медведей, я покидаю дом.

В городе Москва существует только одна улица. Она носит название «Красная площадь» и расположена вокруг кремля. Благодаря чему каждый русский постоянно может из своих окон любоваться кремлевскими башнями и шпилями. Мне больше нравится это делать по дороге на службу. Проходя мимо его величественных стен, я буквально наполняюсь небывалым приливом патриотизма, и гордости за свою страну. От чего мое сердце озаряется небывалым светом радости, начинает биться чаще.

Путь мой до места работы не занимает много времени. Всего полторы мили пешком и вот я перед серым зданием министерства КГБ. В его стенах я целыми днями пью русскую водку, играю на балалайке, расстреливаю людей, забавляюсь с матрешкой и разрабатываю план по захвату Соединённых Штатов Америки. В чем мне усердно помогают мои друзья сослуживцы Кузьма и Николай. Целью, коих являются внедрение коммунизма в Америке и растреление ее демократии.

Как и я, и миллионы россиян они маскирующиеся претворяющиеся демократами коммунисты. Причем у Кузьмы на груди даже набита татуировка серпа и молота. И пусть глу-

пые американцы верят в крах Советского Союза. Ибо не знают, что наш президент на самом деле наш великий вождь, и он ведет нас к победе. Именно под его чутким руководством мы взломали страничку американского лидера в одноклассниках, написав в статусе:

«Трепещи весь мир! Сексуальные мега модные мишки идут!»

Жидков Андрей Александрович.
Санкт-Петербург 29 марта 2017 г.

Преданные

(перевод с кошачьего)

Холодно. Ужасно холодно. Сыро, мерзко и холодно. И даже подшерсток не спасает от этого свирепого пронизывающего промозглого холода. Хотя какой там подшерсток. Одно название. Когда я была молодой, юной, резвой, здоровой кошечкой, он был хорош. Густой, пушистый и теплый. А сейчас.... Едва защищает меня от ненастья. Злой холод без труда с легкостью забирается под него, принимая дряхлое большое тело до самых старых костей. Он наверняка бы меня давно доконав прикончил. Однако мне несказанно повезло с убежищем. Старый, воняющий канализацией и плесенью подвал не плохо защищает от собак и непогоды. Здесь мне не страшны ни ветер, ни дождь. Вот только холод. Он вездесущ. Он попадает сюда, как и я через узкий квадратный проем в железобетонной стене....

Не выносимо холодно. Наверное, быть может статья это моя первая и последняя зима в этом подвале. Вне дома. Дом. У меня был дом. Теплый уютный дом с жаркой чугунной батареей, а так же широким пластиковым подоконником, на котором было так приятно развалиться после сытного обеда, раскинув лапы в стороны. Или сидеть наблюдая за дразнящим порханием птиц по карнизу, ну и всем любопытным во внешнем мире. А когда это порядком надоедало можно бы-

ло прыгнув кому ни будь из хозяев на колени с мурлыканьем отдаться ласковым добрым рукам. Я их еще помню....

А еще я помню что сегодня должна прийти она. Маленькая, хрупкая, миниатюрная девушка с короткой темно-русой косой и чрезвычайно добрыми, чистыми серо-зелеными глазами. Взвизгивающими одновременно рассудительно спокойно и в тоже время по детски игриво, с толикой бойкости свидетельствующей о сильном характере за фасадом из легкой ребячливой непосредственности. Совсем как у юной познающей мир, преисполненной любопытства кошечки. А еще у нее совершенно особенный аромат. Такой необычный. Фруктово-сладкий, нежный, наделенный приятными теплыми нотками ванильной терпкости. Единственное его весьма портят примешивающиеся к нему запахи никотина и почему-то новой кожаной обуви....

Она обратила на меня внимание едва как только я появилась здесь, в этом дворе облюбовав сей подвал. Примерно два полнолуния назад, когда не было еще так холодно. Когда погожих дней было больше, а солнце радовало своим теплом более щедро. Погреться под его лучами я и выбралась в тот день наружу, в надежде заодно отыскать, что ни будь съестное у ближайшей помойки.

Она же просто торопливо курила в пролете дворовой арки. Быстрыми, резкими, суетливыми движениями поднося к тонко очерченным чувственным устам сигарету и вдохнув выпуская вслед за тем сизоватое облако дыма. Ее мысли бы-

ли отстраненно далеки. По крайней мере лицо было весьма задумчиво. И уж не знаю, что во мне так привлекло ее внимание, но с того дня она стала с завидным удивительным постоянством навещать меня. С периодичностью каждые два дня. При этом принося мне плошечку с водой и поесть мягкого, вкусного, мясного паштета. Как предусмотрительно с ее стороны. Ибо у меня вовсе нет зубов. А тут даже не надо жевать....

При одной мысли о паштете начинают течь слюнки....

Как же холодно. От холода голод чувствуется острее. Конечно, можно было бы забиться поглубже в подвал туда, где холод ощущается не многим слабее, но я боюсь пропустить ее приход. Виной чему голуби. Пернатые, настырные, противные разносчики заразы! Того и норовят украсть, нагло слопать все то что приносит мне заботливая девочка. Ну и хочется по скорей насытить ноющую утробу.....

Потому я и не ухожу от лаза, вопреки холоду сквозь него наблюдая за двором. Ведь скоро она непременно появится.... Скоро. Совсем скоро....

Плохо только что начинает накрапывать изморось. Определенно повезло мне занять это убежище, в отличие от того вон глупого, не смышлёного щенка. Пугливо жмущегося к железной стенке мусорного контейнера помойки. По всему видно он был «подарком». Иначе говоря, таким живым существом, что иной раз преподносит мужчина интересующей молодой особе, дабы та допустила его к спариванию с ней.

Как пошло. Однако еще более пошло, гадко и аморально выглядит то, что после полового акта, по прошествии нескольких дней вдруг выясняется, что молодая особа абсолютно не готова к такому подарку. Да, по началу он ее радует, смешит, веселит. Девушка с восторгом тискает его в объятьях, целует, дает забавное прозвище, играет с ним. Но затем, очень скоро, внезапно оказывается что прелестный, очаровательный комочек меха вовсе не игрушка, не модный аксессуар. Который нельзя выключить и убрать в коробку, красивый чехол. Он живое существо. Вносящее ощутимые коррективы, изменения в существовавший прежде, устоявшийся, привычный образ жизни и быта. Ибо в проявлении определенных своих животных инстинктивных собачьих качеств способен запросто испортить излюбленную юной хозяйки вещь. Потому как глубоко безразлично сумочку или туфли, от какого кутюрье он грызет, а так же в каком бутике приобретены. И ежели он чего понять и не может, так только того почему хозяйка сама не грызет просто предназначенные для этого занятия вещи.

Помимо этого выясняется, что славное пушистое существо необходимо не только кормить, поить и выгуливать, частично жертвуя некоторым личным временем. Но и, это самое главное и наиболее важное, маленькое живое существо требует постоянной заботы и внимания. А та девочка, в руки коей вручена чужая крошечная жизнь, оказывается, еще совсем не готова к такой колоссальной ответственности.

В такой ситуации поступают двояко. Одни люди из

чувства совести срочно подыскивают питомцу новую хозяйку и другой дом.... Иные же предпочитают не утруждать себя лишними хлопотами. Им проще выкинув на улицу предать.... Этому бедняге, очевидно, не повезло.... Ну что ж сейчасakraпывающая изморось быстро напатав короткую черную шерсть, сделает его полностью беззащитным перед холодом. А тот проникнув в кровь, сковав лёгкие, мастерски остановит сердце. Наверняка к утру он уже издохнет. Если кто ни будь не позаботится о нем, или он сам не найдет себе какое ни будь пристойное укрытие. Но в свое я его не пушу. Щенок мал и бестолков. Будет лаять, шуметь, чем наверняка навлечет если ни дворников, то крыс уж точно.

Крысы сильные, ловкие, проворный и коварные твари. Когда они атакуют стаей с ними, не всякая молодая кошка сладит. Что уж говорить обо мне старой беззубой и больной. Стало быть, если малыш сунется, мне придётся приложить все имеющиеся силы чтоб отогнать его, не пустить. Пусть ищет в ином месте или умрет. Хоть мне и не пристало так поступать, ибо я сама, как и он преданная. Меня тоже предали. Правда не так как этого щенка. По другому. По пути из ветеринарной лечебницы.....

За много лет проживания в семье я привыкла, что меня как минимум раз в год отвозят на осмотр к высокой долговязой белокурой женщине в накрахмаленном медицинском халате с невероятно чуткими успокаивающими руками. Словно в них таилась сокрытая древняя животная магия, попадая

под воздействие которой любой зверь моментально притихает, тут же становясь покладистым и смиренным. . . .

Однако нынешней весной во мне что-то сломалось, и меня стали носить к волшебной женщине значительно чаще. И вместе с тем все более тщательными и не приятными, порой даже болезненными, с каждым разом делались осмотры на приемах этой доброй женщины ветеринара.

Так из любимицы я превратилась в тягостную обузу. Хозяева, проявляя верх сострадания, пытались меня лечить, всякими микстурами, уколами, процедурами старались исправить то, что делало меня больной. Они прилагали массу усилий, но им так и не хватило в итоге сил, чтоб усыпить, умертвить меня. И тогда они решили предать. . . . Им вдруг пришло в голову, что просто выпустить меня, оставив беспомощную, домашнюю, не приспособленную к жизни на воле, на произвол судьбы – гуманней, нежели впрыснуть по игле яд. Поистине гуманизм есть религия слабых и оправданье дураков. . . . Именно придерживаясь ее канонов они в один прекрасный день, возвращаясь после очередного посещения ветеринарной клиники, неожиданно решили вернуться в близлежащий по дороге парк.

Погода и в самом деле была прекрасная. И выпущенная из переносной клетки, я как маленький котенок припала к зеленой траве. На короткий миг позабыв об сжирающем изнутри недуге, принялась принюхиваться, кататься, скакать. Резвиться, нежась в ласковых лучах жаркого полуденного солн-

ца.

Домашней кошке не часто, редко, выпадает удача побаловаться во внешнем мире, находящемся за пределом ее обычной среды обитания – каменных стен. Поэтому очутившись по случаю в нем, они зачастую совершенно теряют голову. Ибо необъятное количество новых не знакомых прежде звуков, запахов просто пьянит, одурманивает. И практически не возможно отказать себе в упоительном удовольствии попробовать каждый из них на нюх, на слух, потрогать лапой....

Когда я опомнилась от нашедшего на меня, овладевшего мной, пьянящего затмения, хозяев уже не было. Белая деревянная скамейка всего в трех прыжках от меня была пуста. Еще мгновение назад они сидели на ней, глядя на мои чудачества с тоскливыми улыбками на печальных лицах, и вдруг словно растаяли, испарились, исчезли. Ушли смешавшись с общей массой прохожих. Напрасно звала их, плакала. Они предательски бросили меня, и я осталась одна....

В большинстве человеки проходили в полнейшем безразличии ко мне. Растерянно метушейся по дорожкам парка, он скамейки к скамейке в призрачной иллюзорной надежде отыскать своих утраченных хозяев. Однако находились и такие человеки, кто останавливался, привлеченный моим смятением, протягивал ко мне свои руки, подзывая к себе. Не знаю для того чтоб помочь или обидеть. Я им не далась. Поскольку как кошка я могу пойти лишь в те руки, коим доверилась единожды.... Наверное, такова кошачья гордость....

Меж тем как день неотвратимо все больше близился к закату. О чем свидетельствовало неумолимое скатывание великого светила к щербатой из-за крыш домов, линии горизонта. Вместе с солнцем покидали парк и прогуливающиеся прохожие, выдворяемые сгущающимися под кронами дубов тенями сумрака надвигающейся ночи. Одна лишь я все продолжала неприкаянно носиться по извилистым тропинкам дорожек. До тех пор пока окончательно не выбилась из сил.

Инстинкт подсказывал найти срочно безопасное место, чтобы переждать ночь, а с рассветом продолжить поиски. Однако, ведомая чувством самосохранения, забраться на выбранное развесистое дерево я так и не сумела. Мне не хватило ни сил, ни сноровки. Я ведь в конечном счете старая, больная, домашняя кошка.... И не сумев забраться на ветку, я не долго помывкавшись нашла пристанище в колючем кусте шиповника. Но уютившись в его сердцевине поудобнее, на охалке прелых листьев, заснуть я так и не смогла. Ночные звуки; новые, не известные, жуткие и очень страшные, пугая беспокоили меня. Прислушиваясь к ним, я поминутно вздрагивала. И с трудом дождавшись рассвета, вновь ринулась на поиски.

На этот раз я не носилась в бездумной панике. Теперь я целенаправленно устремилась за предел парка, в надежде по имеющимся в памяти приметам отыскать свой дом. Запавшие в память запахи, обязаны были послужить мне дополнительными ориентирами. Однако вместо помощи они на обо-

рот меня еще больше запутывали, сбивая с толку. А может и не они виноваты, а причиной всему моя старость. Притупились и слух и нюх. Ослабело зрение. Возможно, в купе они и подвели меня старую....

Тем не менее, я продолжала рыскать в возведенном из камня лабиринте улиц, дворов и скверов. Поджав уши и опустив хвост тенью следуя вдоль стен. Несколько раз мне показалось, что я будто бы определенно нашла след, и что очертания, признаки, некоторых мест смутно чем-то знакомы. Но как бы не кружила я около них, они ни к чему меня не приводили. Мнимый след, похоже, оказывался иллюзией....

В результате, чрезвычайно отдалившись от парка, я не видела уже смысла возвращаться в него. Да вряд ли бы уже нашла обратную дорогу. Вместо этого я предпочла провести следующую ночь под прислоненным к стене под углом куском фанеры.

Примечательно, что переночевав, на утро подле служившего мне защитой фанерного листа, мною было обнаружено блюдечко с молоком. Принесенное и оставленное чьей-то заботливой сердобольной рукой. В сущности, я могла бы спокойно остаться здесь, подле этого дома, выбрав единственно место для ночлега покомфортнее. Однако распаленная неугасаемой надеждой преданность настырно подначивала меня. И вылакав до последней капли молоко, я отправилась дальше....

Ночуя каждый раз в новом месте, перебиваясь либо от-

бросами, либо плодами милосердной доброты, я не прекращала свои поиски, покуда окончательно не уверилась в их безнадежности.

Так уж совпало, что в довершении к своему разочарованию в этот момент я впервые столкнулась с крысами. Случилось это где-то наверное на пятый или шестой день скитаний. Когда с приближением сумерек, дабы не быть застигнутой бродячими псами на открытой местности на открытом пространстве, я сунулась в один из разбитых оконных проемов нижнего этажа старого, ветхого, кирпичного строения. Внутри к моей преждевременной радости было довольно сухо, и относительно вольготно. Пахло пылью, ветошью, человеческой мочой, птичьими экскрементами и еще чем-то.... Для меня, как истинно домашней кошки, этот запах был категорически не знаком, но унаследованный, переданный на генетическом уровне от матери инстинкт настойчиво сигнализировал о присутствии таящейся угрозы, опасности. И он и в этот раз меня не обманывал. Вот только соблазненная любопытством я проигнорировала внутреннее предупреждение. Лучше бы я сразу прислушалась к нему. Ибо лишь едва я спрыгнула с узкого подоконника на изъеденный дырами, проваливающийся паркетный пол, как ворох старых картонных коробок в дальнем углу внезапно зашуршал, зашерудел, и из под него высунулась небольшая, горбоносая морда с парой черных внимательных глаз. С минуту они пристально смотрели на меня. Затем юркнув под кучу картона

исчезли.

Существо коему они принадлежали было мне однозначно не знакомо. Хотя сама не знаю, каким образом, наверное, руководствуясь звериным чутьем, я догадалась, что это крыса. А также что под кучей грубой бумаги и мусора, она не одна. И действительно спустя пару мгновений ко мне на встречу вышло шестеро таких же серых здоровых крупных тварей, всего в половину ниже меня в холке. Щетинясь, они долгое время, как и первая, сосредоточенно изучают меня, приюхиваясь на расстоянии, аккуратно обходя с боков....

Леденящий душу страх, пробежав по холке спины, тронул сердце нарастающим ужасом, предчувствия не доброго.

Язык, характер движений для всех животных один. В данной же ситуации он красноречиво возвещал, что сейчас эти хищники охотятся, а жертвой избрана я. Что лишний раз подтвердило то, как хитро подступались, пытаюсь обойти сзади. Однако, не дожидаясь нападения, я резко, круто развернувшись на месте, сиганула обратно на край окна. Чудом, избежав лязгнувших у самого горла зубов и по касательной лишь пригладивших шерсть когтей. В следующее мгновение я неслась уже со всех лап прочь от враждебного опасного строения по лабиринту скверов, подворотен, арок, до тех пор, пока не обессилила.

Когда же обессиленная, усталая, огляделась, то оказалось что я нахожусь в этом продолговатом колодце двора с двумя арками. Желая немножечко отдохнуть и собраться с сила-

ми, я, немного пошарив по двору, отыскала квадратный лаз, через который попала в подвал. Так получилось что остановившись в нем для короткой передышки я осталась в нем на совсем. Прижилась, облюбовала.... Быть может так получилось либо из-за затянувшихся поисков, от безрезультатности которых я невыносимо устала. А может из страха, пережитого при знакомстве с крысами, не пускавшего меня из кажущегося надежным убежища. Но я больше не отправлялась на поиски хозяев. Лишь изредка, когда вдруг в каком-то прохожем мне внезапно казалось что-то знакомым и родным я бросаюсь в до гонку, однако догнав и покрутившись у ног, огорченно плетусь обратно к своему лазу. К своему новому дому....

А потом, как я уже рассказывала, в моей кошачьей жизни появилась она. Удивительная замечательная девушка.... Только почему ее все нет.... Когда же она придёт..... Ведь так хочется, есть.... И так безумно холодно.....

Холодно, очень холодно.... Но этому маленькому щеночку придётся умереть. Можете попрекнуть меня жестокосердием, но я хоть стара и больна, однако я тоже хочу жить.... Пусть немного, пусть самую малость, но пожить.... Еще пожить, еще поесть.... Даже жутко насколько жизнь и смерть близки..... Но как же все-таки холодно....

Санкт-Петербург 02 апреля 2018 год. Жидков Андрей Александрович.

Бродячие псы

Лежа в своей мягкой постели,
Ты у видишь чудесные сны.
О бабочках, что умирали
В ожидании черной весны .
Жидков А.А.

Повернув ключ, и тихонечко войдя в квартиру, она осторожно притворила за собой дверь, стараясь не шелкнуть громко замком. В прихожей было темно. И нашарив на стене выключатель, она зажгла свет.

Старенькая люстра осветила бежевые бумажные обои в мелкий цветочек, встроенную прихожку и вытянутое зеркало в деревянной оправе. Она посмотрелась в застывшее в нем собственное отражение. Худощавое чуть осунувшееся лицо еще не утратившее своей привлекательности, но уже несущее на себе серьезный отпечаток пережитых невзгод отпечатавшихся на нем парой борозд глубоких морщин. Женщина удрученно вздохнула, потрогав пальцами легкие припухлости мешков под глазами.

«Это всего лишь усталость» – утешила она сама себя. – «Я просто очень устала».

Сняв куртку и тут же убрав на вешалку прихожки, она распустила завязанные в узел прямые черные длинные до лопаток волосы с проступившей у корней проседею. Но что на

нее обращать внимание, если нет денег на краску.

Вынув из сумочки банку со страшной смертельной отравой, она приподнявшись на носочках убрала яд на антресоль. Несмотря на то, что прошло более года порванные на икрах связки по-прежнему болели. По этому она не любила лазить на антресоль, но содержимое банки было слишком опасным, чтобы держать его опрометчиво в легко доступном месте.

Затем засунув ноги в тряпичные потертые комнатные тапочки, женщина покинула прихожую, перейдя на кухню.

Росчерк спички и расцвел синий газовый цветок, заставив мелодично засвистеть алюминиевый чайник. Присев на шаткий стул, она включила оставшийся после смерти мужа небольшой диагональю в двадцать пять дюймов телевизор. Настроив его на новостной канал она стала смотреть. Там как раз был сюжет про двух отравленных сегодня утром бездомных собак. Тех самых коих она по дороге на работу покормила рубленным пропитанным страшной отравой сырым мясом. Она помнила, как мучительно собаки сдыхали, как пузырились кровавой пеной их пасти и как, жалобно скуля, они отхаркивали свои смешанные со слизистой желчью и кровью внутренности.

На теле экране показали упитанную любительницу животных в пальто с отменным собольим воротником. Покраснев от расправившего ее негодования поборница добра начала с пеной у рта вопить об аморальности совершённого деяния. Рядом с ней сердобольная старушка увещевала о том, какие

это были хорошие собачки, как их все любили. Они ведь бедные, несчастные, бездомные.

А она смотрела, склонив голову, набок слушала и думала: «Интересно если бы эти чудесные бродячие собачки убили или покалечили, кого ни будь из их детей эти защитницы животных так же бы верещали от любви к ним? Почему ни одна из этих добродетельных матрон, не взяла этих животных в свой дом? Лицемерные потаскухи льющие прокисший елей, дабы показать свою лживую добродетель! Ведь много усилий не нужно чтобы бросить беспризорному псу обьедки. А ты попробуй, потрать свои силы и время на устройство его судьбы». – Женщина зло оскалилась. – «Это из-за них государство тратит деньги на стерилизацию вместо того чтобы повесить пособие матерям одиночкам».

Она, поморщившись, выключила телевизор:

«В сущности, бедные животные ни в чем не повинны, мне бы следовало отравить этих лицемерок! Ведь если задуматься, то это они должны страдать исходя слезами до тех пор, пока не поймут, что зверь всегда остается зверем и ему должно быть на поводке. Ибо собака не безобидный пупсик. У нее есть клыки и когти, и природой ей уготована роль хищника».

Пить чай женщина так и не стала. Ей уже расхотелось, и синий цветок погас. Женщина же проследовала в комнату. Не зажигая света, она переделалась в пижаму и подошла к постели мирно спящей дочки. Девочка как всегда периодически вздрагивала и ворочалась. Однако женщину радовало то

обстоятельство, что она перестала кричать во сне и просыпаться в слезах.

Наклонившись, мать, тронула нежным ласковым поцелуем лоб дочери.

После пережитого кошмара она спала несколько беспокойно. Бесспорно, кошмар пережитого навсегда отпечатается уродливым шрамом в ее невинном детском подсознании и она никогда не забудет тот день в начале весны. Когда они с матерью возвращались домой от «Нарвкой» свернув на Набережную Обводного канала мимо вывески «Металлист» к Лифляндской улице.

Весеннее бархатистое солнце радовало своим обманчивым ванильным теплом, предавая дню особенную сладостную вкусность дополнявшую радость исполнившегося седьмого дня рождения. For a child this grand event . К тому же совпавшее с небольшим городским праздничным мероприятием. И вот обуреваемая массой ярких разноцветных впечатлений девочка, держа мать за руку, весело и громко рассуждала по поводу всего ею сегодня увиденного. В этот самый момент вдруг из-за угла выскочила собачья свора из пять особей. Поджарые с оголодавшими глазами они были несколько возбуждены толи витавшими в воздухе весенними благоуханиями, толи очевидной пустотой их желудков.

Не известно, что конкретно их спровоцировало; громкая речь девочки, а может исходящий от нее сладкий аромат печенья. Но, тем не менее, внезапно одна из псин резко мет-

нувшись к ним, вцепилась зубами в щечку ребенка, выдрала ее с мясом.

Звонкий детский крик прорезал пространство улицы, и на грязь асфальта брызнула сладкая теплая кровь. Ее аппетитный запах в одно мановение одурманил всю стаю, заставив, оскалив клыки, броситься на ребенка с громогласным голодным рычанием. Не медля ни секунды, женщина схватила завизжавшую от шокирующе страшной боли дочь на руки и рванулась прочь. Но две облезлые собаки тут же вонзились острыми зубами в ее ноги, моментально начав рвать сухожилия. Дешевые колготки не могли защитить ее голени. И она упала словно подкошенная.

Однако, невзирая на то, что сильно расшибла при падении лоб, разодрала руку и перепачкала одежду женщина прикрывая собой дитя пыталась отбиться. Но тщетно. На нее уже насаля вся стая, терзая, кусая, вгрызаясь и норовя дотянуться до лакомого ребенка.

«Помогите!» – истошно закричала она, изо всех оставшихся сил подминая дочку под себя, дабы собаки ее не достали.

Благо ее услышали и собак отогнали. Только на этом кошмар не закончился, и потянулась череда психологических реабилитаций и операций на личике девочки, которое, увы, более не будет хорошеньким. На нем навсегда остался безобразный рваный шрам во всю щеку.

Она прилегла рядом с дочерью, обняв ее своим крылом

и вскорости уснула, согревая ребенка материнским теплом. Почувствовавшая ее оберегающую близость девочка затихла и тихонечко размеренно засопела....

Слушая ее сердцебиение, женщина подумала, что хорошо будет, если завтра дадут на работе аванс. Тогда она сможет купить картошки, а то в кошельке осталось всего шесть сот рублей. По дороге на работу она решила выбросить остатки травленого мяса, единственно при этом для нее оставалось дилеммой правильно ли она поступает. Однако иного способа очистить ближайшие дворы ради безопасности своего ребенка она, к сожалению, не знала.... А может правильнее убивать тех, кто страдает излишним чрезмерным фальшивым гуманизмом вместо того чтобы действительно что либо сделать....

Санкт-Петербург 24 декабря 2014 г Жидков А.А.

Селфи

С кухни доносился легкий едва уловимый запах растворимого дешёвого кофе в гранулах по двести тридцать три рубля девяносто копеек за банку. Это моя девушка очевидно уже давно проснулась, и как всегда сидит на кухне с ноутбуком, залипая в чатах.

Нехотя медленно открыв глаза, смотрю на настенные круглые часы. На них уже начало двенадцатого. Потянувшись сладко зеваю. Похоже я опять проспал пары. Ну и да черт с ними. Пока предки платят, из университета меня не выгонят.... Кстати хорошо бы их еще развести на новенький айфон, как раз на днях вышла обновленная версия, а то я как дурак со своим устаревшим еще в прошлом месяце. Да и вообще надоел он мне до жути. Тем не менее, беру его с ночного столика расположенного подле разложенного в качестве постели широкого дивана, включаю и делаю селфи . Получилось неплохо. Ништячково. Хотя утренние селфи вообще примечательны своей посредственной незатейливостью. Да и что можно придумать и изобразить лежа в постели? Ибо здесь нет ничего примечательного кроме собственного заспанного вида и смятой подушки на заднем фоне. Однако иногда даже такие селфи благодаря мастерски построенной гримаске срывали кучу лайков . Девушкам здесь и того проще. Обнажила сиську и успех обеспечен. Но я не девушка и

сисек у меня нет....

Поэтому встаю и выхожу на кухню. Здесь царит бойкое клацанье клавиш. Ибо Наташа увлеченно перебирает их своими длинными тонкими пальчиками, переписываясь в чате с кучкой аутсайдеров. Она очень красива; обольстительна, изящна с гибким стройным телом, прелестным хорошеньким личиком и дивными золотистыми локонами густых волос. На ее губах играет лукавая улыбка, а в глазах кошачий блеск. Однако когда я вхожу улыбка исчезает. Она на меня уже четыре дня сердится после того как я вовремя нашего с нею секса сделал селфи. Ее это почему-то взбесило.... Особенно после того как узнала что я выложил его в сеть. Не пойму что в этом такого и что ее так разозлило....

Тем не менее, спрашиваю, давно ли она проснулась.

«Давно» – отвечает она, косясь на меня с превосходством госпожи отшлепавшей своего раба мазохиста. – «Даже на пару уже сходила».

«Ты была уже на занятиях?» – удивляюсь я.

«Да» – и тут же поясняет. – «У меня сегодня в расписании всего одна пара, поэтому пока ты дрых я успела вернуться».

Обмениваемся еще парой ненужных дежурных фраз. Я захожу к ней со спины, наклоняюсь целую шейку и хочу потрогать ее грудь, но она отдергивает мою руку и слегка отстраняется. Тем самым давая понять что до сих пор негодует и секса мне сегодня не видать как и в предыдущие четыре дня. Неужто и сегодня придётся мастурбировать. Похо-

же эта манера в качестве наказания использовать запрет на собственное тело у женщин врожденно инстинктивная и является неотъемлемой частью всякой женской сущности. Это меня бесит. И в припадке сию же секунду нахлынувшей ярости заявляю ей, что она вредная сука и ставлю ультиматум переспать с ее подругой или сестрой. На что она спокойно отвечает что я тупой помешанный на селфи и прочем фотографировании кобель извращенец и поэтому она советует мне подцепить какую ни будь тифозную шлюху и на фоне ее прыщавой задницы наделать очень много селфи. Мне ее идея конечно понравилась, однако пока она мне этот все излагает быстренько делаю селфи на фоне разгневанной Наташкиной мордашки. За что под конец речи получаю грязным кухонным полотенцем по морде.

«Истеричка» – огрызаюсь я и иду в туалет. Кстати сказать, во время пикантного интимного процесса на унитаже получают самые проникновенные селфи. Ибо выражение лица на них выходит наполненным младенческой девственной невинностью и в тоже время задумчивой поэтической грустью утери чего-то важного. Поэтому за время пребывания в туалете делаю где-то десяток селфи.

Возвратившись на кухню, готовлю яичницу, наливаю кофе и сажусь есть, предварительно сфотографировав еду. Смотрится она вполне живописненько. И я еще задолго до окончания завтрака выкладываю свой натюрморт в сеть. Надеюсь многие заценят....

Далее день проходит вполне обыденно. Мы с Натальей совершенно не общаемся. Каждый сидит отстраненно упершись взглядом в собственный монитор. Мы и до этого прежде практически не общались, переговариваясь скухими репликами, а теперь и вовсе меж нами повисла завеса молчания. Все мои попытки нарушить ее уходят в никуда, проигнорированные и оставленные без внимания. Даже отправленные ей коменты и лайки не могут пробить воздвигнутую Наташкой стену отчужденного безразличия ко мне. Упрямая сука. В гневе из злости удаляю ее из друзей и меняю свой статус на страничке. Пусть потом не говорит, что я не умею проявлять характер....

На часах семнадцать сорок. Иду, ставлю чайник, а за одно на его фоне делаю пару прикольных селфи. Настроение кайфовое. Я как раз немножечко помастурбировал. Благо в интернете порно сайтов предостаточно. Не говоря уже о всем изобилии всяческих предлагаемых к просмотру видео с извещениями начиная от сквирта и заканчивая писингом . Я не колеблясь предпочел «жесткий анальный фистинг азиаток лесбиянок ». При чем вовремя эякуляции я успел сделать шикарное селфи....

Однако пока я занимался мастурбацией под порнушку и позированием на фоне кипящего чайника вдруг выяснилось что Наташка собралась уйти. Она оделась весьма вызывающе сексуально, так что ее нижнее белье просматривалось с поразительной легкостью. Увидев мой озадаченный взгляд она

с насмешкой сообщила что уходит на свиданье и если вернется утром то лишь затем что бы забрать свои вещи. Тварь! Тварь и еще раз тварь! Оказывается она все эти дни, пока игнорила меня обрекая на бессмысленный тяжкий онанизм, искала себе нового парня. «Более адекватного чем ты!» – как заявила мне она закрывая за собой дверь и отправляясь на свидание.... Я в шоке!

Даже более того я в полной прострации. В одно мгновение мир становится каким-то неправильным, не таким как должен быть. И эти он жутко раздражает, вызывая дикую злость, которую провоцирует все. Даже садящаяся с тобой в лифт бабуличка, смеющаяся и бесстыдно жмущаяся к друг другу в подъезде парочка, а так же нерасторопность кассирши в гипермаркете. Удивительно как подкошенного предательством не так давно любимого человека способна нервировать любая мелочь. С какой легкостью желчью закипает в нем зависть к всякому кто счастлив, в отличие от него. И как сильно из-за этого он ненавидит этот отвратительно радостный до блевотины мир.

В расположенном на углу гипермаркете покупаю бутылку водки за двести пятьдесят пять рублей восемьдесят девять копеек. Мне просто необходимо было снять стресс. А точнее нажраться . Что я и делаю сидя за монитором компьютера глуша водку стопками, обливаясь слезами и слушая мелодичные сопливые композиции поп кумира Тимы Кизякова.

Damn these women . Опрокидываю очередную стопку себе

в глотку и обуреваемый бессильной злобой включив Наташкин захожу на ее страничку. Дрянь! Она удалила всю переписку, но я знаю как ей нагадить. Заглатываю еще стопку и начинаю портить ее страничку всяческой глупой непристойной пошлятиной и порнографическими фотками. Это поднимает немного мне настроение, однако на душе по-прежнему паршиво.

Делаю селфи. У меня очень несчастное лицо. Выкладываю его, и чувствуя жгучую необходимость поделиться своей болью, излить ее пишу о ней друзьям в сеть. Ища у них отклика и поддержки, присовокупляю к своим откровениям еще пару селфи. На них я еще больше убитый горем и пьяный....

Друзья откликаться не сразу. Я успеваю опустошить фактически полностью и сделать порядка десяти селфи. Естественно что я сразу же их и выкладываю. Видя их, друзья ставят лайки и пытаются поддержать меня утешить. Одна девочка даже на стену пишет мне миленький стишок:

Три дохлых розы на окне,
Моя сопля скользит по стенке,
И если не вернёшься ты ко мне
Я по кромсаю себе венки.

Шикарное стихотворение, тем паче для четырнадцати летней малолетки. В благодарность залайкиваю все ее селфи и репостью репосты.

Допиваю водку и вырубаясь свалившись мордой на кла-

виатуру. Последняя мысль моего уходящего в бессознательное разума: «Жаль что во сне нельзя делать селфи».

Санкт-Петербург 25.10.14

Красная шелковая лента

(философская сказка)

...род лукавый и прилюбодейный

ищет знамение...

Евангелие от Матфея 12:39

I

О, великий господин наш Вельзевул с вашего соизволения осмелюсь рассказать вам одну незатейливую историю. Возможно, она покажется вам весьма забавной или наоборот печальной. Так или иначе, но она вспомнилась мне совершенно случайно, навеянная поднявшейся из-за дальних холмов кроваво красной луной. Думается вам князь будет интересно ее услышать. Тем более что события этой бесхитростной истории происходили в действительности.

И так с вашего соизволения я начну.

Всякое что когда-либо происходило, происходит или же будет происходить как, то и должно имеет начало. Вот и сие повествование берет свои истоки в призрачных огнях вечернего города....

II

Сизые, прозрачные клубы табачного дыма, срываясь с приоткрытых, окрашенных алой помадой тонких губ, уносились в слабом потоке движущегося городского воздуха, пахнущего бензином, смогом улиц и заплесневелой пылью многоэтажных домов. Кокетливо отставив в сторону длинную, стройную, облаченную в голубую джинсу ногу, женщина с сухим изретушированным макияжем лицом курила, потягивая дешевую сигарету. В ее затуманенном взоре абсолютно не отражалось никаких мыслей, лишь изредка под сенью подведенных тушью черных ресниц, вспыхивал огонек надменности, обдавая презрением проходивших мимо женщин и пляшущихся мужчин.

Подле женщины, скучаяще озираясь по изрядно поднадоевшим вывескам и загорающимся окнам небольшой улочки, зажатой меж стареньких домишек, переминалась с ноги на ногу маленькая пятилетняя девочка. Забавно закусив нижнюю губу, она то и дело переводила взгляд с окна на окно, то, разглядывая прохожих, или те же вывески, пытаясь отыскать хоть что-то интересное для своего пытливого детского разума. И она не находила совершенно ничего. Город на время замер, готовясь вновь ожить с наступлением понемногу сгущающихся вечерних сумерек. Он пожирал в себя, чтобы воплотиться в каком-то нелепо ином облике. Пресло-

вутый и неказистый лабиринт стен обглоданного камня, таившего в себе гамму наслаждений пороков и больше ничего.

– Ма! – немного плаксивым голоском протянула девочка, теребя женщину за руку и пытаясь заглянуть в ее бессмысленно пустые глаза, – А мы скоро пойдем домой? Я устала.

Но, получив тут же жесткий ответ из грубой нецензурной бульварной брани, она замолчала, обиженно надув губки и потупив свои большие голубые глаза. Алена почувствовала себя отвергнутой. Какой-то одинокой и никому не нужной, хотя и привыкла уже слышать от матери злобную ругань попреканий в свой адрес, порою безо всякой на то причины.

Зажглись вечерние фонари, разгоняя сгустившийся ночной полумрак по дальним углам скверов и подворотен. И на узенькой улочке понемногу стали появляться веселые парочки, компании гуляющих или деловито спешащих куда-то юношей, девушек, прочих обывателей. Город снимал маску величия и, корча рожицы, надевал шутовской колпак, показывая хитрую насмешливую личину, зеркально воспроизведенную во всех витринах ночных забегаловок, амбразурах оконных проемов.

Пробуя черным, как уголек носом пропитанный дыханием ночи воздух, из-за опрокинутого металлического мусорного бака, что валялся подле убогих облизанных ступеней одного из подъездов, появилась огромная, размером со взрослую кошку, серая крыса. Поджав запачканное грязью, худое брюхо, крыса, быстро перебирая поджарыми лапками,

поползла вдоль стены дома, противно и озлобленно шурясь выдававшему ее свету фонарей, и стараясь держаться ближе к черной, хранящей тайны, тени фасадов. Лишенное начисто страха животное, гонимое изъедавшим сосущим изнутри голодом, искало хоть немного какой либо еды. Окончательно выбравшись, из служившего ей укрытием мрака, крыса осторожно, опасливо подкралась к стоящим посреди улицы женщине и ребенку. Животное украдкой обнюхало скрытые под материей белых колгот ножки девочки. От них заманчиво пахло чем-то приятным и сладким. Крыса сглотнула слюну, от чего ей еще больше захотелось есть. Встав на задние лапы, она подняла вверх свою морду, тут же увидев вытаращенные широко открытые сияющие глазенки девочки. Страх стиснул ее маленькое сердце, но голод в момент уничтожил его.

– Кися! – восторженно воскликнула Аленка, протянув к животному свою маленькую белую ручку.

Крыса оскалилась, ожидая нападения, но легкая детская кисть ласково коснувшись ее покрытой жестким грязным мехом головы скользнула от морды к затылку. Тварь зажмурилась от неведомого ранее приятного ощущения.

– Хорошая кися! – лепетала взволнованным голоском, похожим на переливающийся звон колокольчиков, девочка, поглаживая грубую шерсть крысы.

Вытянув немного вперед голову, крыса с явным удовольствием принимала эти крупницы наивной доброты. Закрыв глаза, ощущая с какой хрупкой нежностью тоненькие шел-

ковистые пальчики, источая приятный аромат чистоты, ласкают ее, даруя нищей крысиной душе частицу не фальшивого, а настоящего тепла и любви.

Женщине, вдыхавшей то и дело вязкий сигаретный дым, и нервно теребившей распущенные светлые пряди волос, по видимому, было совершенно безразлично, чем сейчас занята ее дочь. Она толи не видела, толи не обращала попросту внимания на игры дочери со столь не опрятным животным. На ее расписанном косметикой лице отчетливо было видно, что она нервничает, ожидая кого-то; дергано сбивая пепел длинным ногтем, выкуривая одну сигарету вслед за другой, судорожно вглядываясь в прохожих точно пытаюсь кого-то узнать. Губы сводило, словно судорогой яростью и с трудом уже сдерживаемая раздражительность. Казалось еще минута и женщина сорвется в дикую истерику.... Но вот ее лицо осветила расплывчатая странноватая улыбка...

Повинуясь чувству самосохранения, крыса юркнула в сторону, подозрительно поглядывая своими пуговками глаз на подошедшего мужчину. Привыкшее не доверять животное, сторбившись, оскалилось на незнакомца.

Подошедший же человек протянув женщине, полиэтиленовый сверток и заполучив от нее перетянутую резинкой пачку денег, тут же оживленно о чем-то с ней зашептался. Алена не обратила на него особого внимания, так как видела не раз прежде. Он часто приходил к ним домой, принося ее матери какие-то таблетки, после которых та пребывала в

приподнятом настроении, валяясь на диване и глупо хохоча, отчего Алене становилось нехорошо и приторно страшно. Этот страх она в свои детские годы не могла объяснить, но что-то в хохоте матери казалось ей не добрым, звериным.

Бросив через плечо беглый взгляд на мужчину, девочка присев на корточки позвала насторожившуюся крысу, по-прежнему принимая ее за котенка:

– Кися не уходи! – жалобно пролепетала она, протягивая к твари руки.

Все еще с опаской изучающе поглядывая на смердящего негативной асфекцией злого незнакомца, крыса, тем не менее, вернулась обратно к девочке. Вновь поднявшись на задние лапы, она, поравнявшись ростом с сидящим на корточках ребенком, заглянула в ее зеркально чистые глаза, увидев в них свое отражение. Этот зверь, вдруг став ручным, позволял людскому детенышу гладить себя, проникаясь незатейливым убогим крысиным счастьем.

Лаская же зверька, Алена извлекла из кармашка своей розовой кофточки красную шелковую ленточку, тут же повязав ее на шею крысы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.